

**ИСТОРИЯ В СОБЫТИЯХ:
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ**

**К 20-летию Российского
гуманитарного научного фонда**

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ
В.К. Левашов. Российское государство и общество
в период либеральных реформ начала XXI века. –
М.: ЦСПиМ, 2013. — 456 с.

Ф.Э. ШЕРЕГИ

Общественно-экономические реформы последних 20 лет, внесшие серьезные изменения как в распределительные отношения, так и в мировоззрение россиян, со стороны последних по сей день оцениваются неоднозначно. На уровне массового сознания восприятие успехов или недочетов этих реформ опирается преимущественно на индивидуальные интересы, а объективная оценка причин, вызвавших к жизни кардинальные реформы, механизма реализации и направления их действия требуют научного подхода. Такой подход реализован в вышедшей недавно из печати монографии В.К. Левашова. Монография построена на результатах всероссийских социологических исследований, проведенных в Институте социально-политических исследований РАН в период 1992 – 2013 гг. под руководством автора. Это 38 мониторингов под общим названием «Как живешь, Россия?», направленных на измерение влияния принимаемых органами власти социально-политических решений на настроение общества.

Масштабность проведенных исследований позволила автору рассмотреть последствия российских реформ сквозь призму взаимосвязи локальных и глобальных процессов. Основной вопрос, которым задается автор, «каким для российского общества и государства должен быть устойчивый путь развития в будущее?» По мнению автора, ответ на этот вопрос предопределен прежде всего условиями «ядерного пата» и обостряющейся конкуренцией за ресурсы жизнеобеспечения, что для научного анализа делает целесообразным введение, в качестве ключевого, понятия «sustainable development» – устойчивое развитие. Это понятие выдержало испытание временем и в настоящее время оказалось в центре внимания ученых и политиков, как в России, так и за рубежом, хотя в различных странах интерпретируется оно исследователями и политиками по-разному. Эта «разногласица» порождена тем, что данное понятие сочетается с различными национальными и транснациональными материальными и финансовыми интересами. Несмотря на различие интерпретаций, по ряду концептуальных идей существует единство всех

сторон, участвующих в общественном дискурсе. Эти идеи составляют парадигму устойчивого развития.

Раскрывая взаимодействие и противостояние, открытую и латентную борьбу научных позиций, автор прослеживает философско-исторический генезис взглядов на устойчивое развитие, проводит макросоциальный анализ экономической динамики приходя к выводу о том, что господствующая в мировой цивилизации идеология либерального развития, согласно которой экономический рост приводит к росту богатства и победе над бедностью и нищетой, не соответствует современным реалиям. Опираясь на данные международных сравнительных исследований, автор указывает на углубление за последние десятилетия в глобальных масштабах материального и духовного социальных неравенств, на то, как растущая на всех континентах бедность приумножает социально-политические риски развития. Этот вывод важен в свете не теряющего своей остроты глобального научного и гражданского дискурса о пределах развития экономик массового потребления, потенциальных возможностях рыночной цивилизации и исчерпанных емкостях и эластичности биосферы.

По мнению автора, вызовы времени диктуют новые духовно-нравственные и материальные императивы жизнедеятельности, ибо угроза глобального ядерного геноцида породила новую проблемную ситуацию на планете и сегодня уместно говорить о пределах познавательных и производственных возможностей человечества в рамках формулы Ф. Бэкона о характере научной революции нового времени «знание — сила». Научно-техническая революция XX в. сформировала колоссальный созидательный потенциал человечества, но она же подвела человечество к пропасти самоуничтожения. Новая глобальная этическая и научная доктрина должна выражаться в императиве «знание — жизнь». Эпоха стремления человека господствовать над природой завершилась, система отношений «человек — общество — природа» потребовала отхода от силовых практик и перехода к коэволюционному режиму развития. Новый мир человеческих и социальных отношений рождается в противоречиях, рывках и отступлениях, что переводит режим господства в режим паритетности. Такой характер отношений начинает постепенно утверждаться на всех уровнях человеческих отношений и социальных институтов, иногда с провалами и откатами назад, но неизбежно, повсеместно и тотально. Таково веление времени.

Немаловажным представляется обращение автора к феномену политических идеологий, их месту и роли в обществе. Эти исследования относятся к началу и середине 2000-х гг., когда в высших эшелонах российской власти господствовало мнение о том, что в демократическом обществе нет надобности в государственной идеологии. С помощью результатов социологических исследований автор доказывает, что любая идеология носит объективный характер, а ее место и роль определяются социально-классовой структурой общества и особенностями конкретно-исторических условий. «В совокупности всех своих классово дифференцированных идей идеология классового общества делится на идеологии,

тормозящие общественное развитие, и идеологии, способствующие социальному развитию. Три великие идеологии современности и их смешанные комбинации: консерватизм, либерализм и коммунизм в конкретных обществах в различные периоды исторического развития могут принимать как демократические, так и тоталитарные формы проявления» (С. 82).

В странах, где политическая элита обходит своим вниманием идеологическую сферу жизни общества, зарождаются идеологические суррогаты – системы недостоверных псевдо знаний, человеконенавистнические идеологии, пригодные только для практики люмпен политиков, стремящихся прорваться к власти любой ценой.

Монографию условно можно разделить на две части: теоретическую и прикладную. В теоретической части автор обосновывает концептуальную схему организации мониторинга устойчивости и безопасности жизнедеятельности общества. Основным содержанием концепции выступает констатация того, что цель объединенных усилий общества и государства заключается в реализации основных жизненных интересов, достижении состояния устойчивой безопасности, рассматриваемых как результат минимизации природных, техногенных и социальных угроз посредством управленческих решений государства и гражданского общества. Речь идет о новом ноосферном типе управления страной в неразрывном системном единстве ее сфер жизнедеятельности: социума, техносферы и экосферы.

В предложенной структурно-логической системе автором выделяются главные операциональные понятия, определяющие основные направления эмпирического анализа. Для экосферы: флора, фауна, окружающая среда, науки о природе. Для социума: человек, общество, государство, социальные и гуманитарные науки. Для техносферы: инфраструктура, экономика, технологический уклад, технические науки.

Социально-политические отношения перманентно отражаются в массовом сознании в форме суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов и т.д., которые могут быть исследованы методами эмпирической социологии. Для перевода вербальных определений в квантифицируемые показатели автор создает оригинальную систему социальных индикаторов, которые могут быть измерены с помощью репрезентативных опросов общественного мнения, и поэтому могут служить свидетельством выражения интересов субъектов социально-политических отношений и общества в целом. В агрегированном состоянии они используются для построения интегрального индекса социально-политической устойчивости общества (ИСПУ).

В рассматриваемой методике измерение социально-политической устойчивости общества производится в условном квантифицированном континууме от [+100] до [-100]. Связь качественных состояний системы, выражаемая в понятиях системного анализа, с узловыми точками указанного континуума определена категориями: устойчивость (+100), стабильность (+50), кризис (0), катастрофа (-50), распад (-100). Эти узловые точки связаны с зонами континуума: зона устойчивого развития (100 –

50); предкризисного развития (50 – 0); кризисного развития (0 – [-50]); распада ([-50] – [-100]).

Каковы обобщенные выводы, как их увидел автор из результатов социологических измерений, которые производились на протяжении более чем двадцати лет?

Общество в своих формах политической жизнедеятельности медленно входит в зону стабильного развития, умеренно позитивных настроений и легитимного отношения к существующему политическому режиму. Политическая команда, пришедшая в Кремль после 2000 г., получив страну в критическом состоянии, последовательно полностью или частично решила ряд важнейших проблем внутренней и международной жизни.

Во-первых, удалось избавиться от долгов и задержек в выплатах заработной платы работникам бюджетной сферы. Экономика и институты государственного управления, находившиеся на грани остановки и распада, начали функционировать в режиме расширенного воспроизводства экономики и обеспечения безопасности государства и общества. Страна отошла от пропасти экономического и финансового коллапса.

Во-вторых, у значительной части российского общества возникла трудовая мотивация деятельности. Она стала замещать криминальную мотивацию и девиантную культуру, которая занимала доминирующее положение в правовой неразберихе и нигилизме 1990-х гг.

В-третьих, социологические измерения и статистика показывают постепенное повышение уровня и качества жизни значительных слоев населения. По самооценкам граждан, уменьшаются размеры групп населения с минимальными доходами. Государство целенаправленно повышает жалование и денежное довольствие государственным служащим, военнослужащим и работникам правоохранительных органов, пенсионерам, студентам. Тем не менее в центре общественных тревог остаются вопросы высоких цен, повышения тарифов на услуги ЖКХ. Экология, преступность, наркомания, алкоголизм, коррупция, падение нравов и культуры, произвол чиновников также составляют предмет актуальных тревог большей части населения.

В-четвертых, важнейшей заслугой команды В. Путина являются ощутимые позитивные результаты в минимизации угроз со стороны вооруженных террористов, обеспечение безопасности жизни жителей крупных городов Южного федерального округа, проведение Олимпиады в Сочи. Массовый страх, порой паника конца 1990-х покинули столицу и другие города страны. Насилие полностью не ушло с улиц, но опасения в целом вытеснены из массового сознания.

В-пятых, проведение реформы политической «вертикали» позволило остановить развал системы государственной власти. В сжатые сроки удалось оптимизировать режим и процедуру формирования органов власти в регионах и в центральных представительных и исполнительных органах. Откровенные коррупция и криминал стали получать отпор в сферах политики и экономики, насколько это позволила структура собственности, качества элиты и демократические процедуры.

В-шестых, мировая конъюнктура цен на углеводородное сырье позволила российскому государству практически решить проблему внешнего долга страны. Россия из крупного мирового должника превратилась в богатого собственника мировых валютных резервов.

В-седьмых, восстановление и наращивание активного экономического потенциала привело к резкому увеличению веса страны на внешнеполитической арене, переводу ее из региональных в мировые державы и лидеры. Глобальная и региональная безопасность страны стала отвечать уровню и характеру угроз, которые возникают в современных международных отношениях.

Автор приходит к мнению, что в целом стране удалось в различных сферах жизнедеятельности сойти с траектории критического развития и войти в режим подъема. Политика реформ стала более адекватной насущным интересам общества, что привело к уменьшению интенсивности проявления фундаментального социополитического противоречия между политикой государства и интересами общества. Вместе с тем, наряду с достигнутыми в сферах внутренней и внешней политики успехами, в отношениях между государством и обществом присутствуют противоречия и проблемы.

Ускоренный «ликбез» политического истеблишмента России по проблемам понимания национально-государственных интересов страны не означает, что общество и государство полностью преодолели новые и старые предрассудки. Массовое сознание и сознание политической элиты России по-прежнему остаются перегруженными искаженными представлениями о действительности, затрудняющими эффективное взаимодействие гражданского общества и политических институтов государства. Такое «фантомное» социально-политическое сознание, призрачное в своей основе, долгое время не давало возможности обществу адекватно осознать и выразить свои интересы и потребности, а государству понять, интегрировать и перевести эти интересы в эффективные социально-политические технологии. В настоящее время в сознании общества и элиты сохраняются несколько иллюзий, которые ранее неоднократно лежали в основе политических кризисов и нестабильности.

Первой из них является иллюзия об императивной интеллектуальной корректности, профессиональном и этическом превосходстве «молодых» политиков над «старыми». Столь своеобразный субъективный подход к пониманию сущности инновационных процессов в политике вообще, и в кадровой политике в частности, на протяжении последних лет неоднократно радикализировал ситуацию. Корни его лежат, с одной стороны, в отсутствии у части российской элиты фундаментальных и системных знаний об обществе и мире в целом, традиций и культуры концептуально-политического осмысления действительности. В современных условиях непрофессионализм и некомпетентность в политике могут привести к крупномасштабным разрушительным последствиям. С другой стороны, те российские политики, которые сознательно шли на разрушение государства и общества, сделали ставку на молодежь как

на социальную группу, чутко восприимчивую к новому, не обогащенную багажом социальных и политических традиций, опыта, знаний, т.е. того, что составляет ткань политической культуры общества. Любые «фальсификаты» в этой области ведут к трагедиям и массовой гибели людей в политических конфликтах (типа «чеченской войны»), техногенных катастрофах, убийствах и террористических актах, которые стали буквально сотрясать российское общество в конце 1990-х гг.

Действия высших слоев российских политиков конца 1990-х гг. свидетельствуют, что их представления о происходящих в обществе процессах были построены не на эмпирическом знании и анализе, а на корыстных интересах и конфронтационной политической культуре, характерных для стадии первоначального накопления капитала. Вулгаризация и радикализация политического процесса через призму формулы «противники – сторонники реформ» раскалывали общество, сеяли социальную рознь и культивировали слепой фанатизм. В этих условиях особую актуальность стала приобретать проблема корректности выбора социально-политической стратегии.

В стратегической политической перспективе развитие российского общества и государства, по мнению автора, будет задаваться действием трех потоков социально-политических сил, каждая из которых будет стремиться реализовать свою стратегию развития: неолиберальной трансформации, мобилизационной модернизации, интегративного устойчивого развития.

Россия, вне сомнения, может и должна со временем совершить переход к устойчивому развитию вместе со всем миром, а в некоторых отношениях указывать путь другим регионам и странам. При этом представляется методологически ущербным рассматривать будущее народов России в ее нынешних границах Российской Федерации вне исторических и социокультурных связей всего евразийского региона.

В этой связи автор выделяет следующие фундаментальные факторы интеграции сообщества народов, имеющих устойчивую государственность, экономические, социокультурные, духовные формы позитивных взаимоотношений на протяжении столетий в границах Российской Империи – СССР – СНГ, включая Российскую Федерацию.

Во-первых, исторически сложившиеся формы государственной организации евразийского пространства есть результат политической, экономической и культурной интеграции большинства народов, в основном добровольно объединивших усилия вокруг одной из самых развитых в духовном и культурном отношении цивилизаций – российской. Географические и исторические границы этой цивилизации на протяжении последнего тысячелетия, начиная с Киевской Руси, расширились.

Во-вторых, российская цивилизация всегда опиралась на значительные природно-материальные богатства как предпосылку экономического развития. СССР, вступив на путь индустриализации в условиях враждебного окружения, вынужден был развиваться автаркически, что без наличия самых разнообразных минерально-сырьевых и других природных ресурсов было бы невозможно. Россия и сейчас, в «урезанных» границах

РФ, выделяется в ряду развитых стран, в значительной мере исчерпавших свои ресурсы и живущих за счет ресурсов других.

В-третьих, СССР, вынужденно развиваясь в XX в. в значительной степени автономно в мобилизационном режиме, сумел реализовать планы ускоренной масштабной индустриализации и агропромышленной кооперации, построив мощную целостную интегрированную индустриальную экономику. Создав на этой основе после Второй мировой войны ракетно-ядерное оружие, страна нейтрализовала угрозу ракетного удара или прямого вооруженного вторжения на свои территории. Стратегическое ядерное оружие и сегодня служит залогом не только безопасности России, но и гарантом предотвращения третьей мировой войны. Обеспечение военно-стратегического паритета открыло возможности перехода к этапу эффективного социального развития. Однако созданные для такого перехода предпосылки не были использованы, а после распада СССР и начала радикальных реформ в РФ в значительной степени утрачены благоприятные материальные, организационные и духовные достижения предыдущих этапов развития.

В-четвертых, страна обладает высокообразованными, квалифицированными людскими ресурсами. В течение семи десятилетий в СССР была создана одна из лучших в мире систем общего и профессионального образования. Сейчас она находится в стадии кризиса. Однако в постреформенный период, после модернизации она сможет обеспечить подготовку специалистов высокой квалификации практически по всем современным специальностям.

В-пятых, политические классы и структуры Российской Империи, СССР, Российской Федерации последовательно, сквозь века, в опоре на православное христианство стремились придерживаться идеологемы «все люди — братья», трансформируя ее постепенно в идею соборности и общности государственных судеб русского и сделавших с ним общий исторический выбор других народов. Духовным и социокультурным стержнем сложившейся общности народов была веротерпимость с ее уникальным тысячелетним опытом мирного сосуществования православия, берущего свое начало в Византии, с исламом, буддизмом и другими религиями. На протяжении веков она была основой сохранения гуманистического характера нравственно-этических отношений народов Евразии.

В-шестых, кризис и развал в XX в. государственных структур сначала Российской Империи в 1917 г., а затем СССР в 1991 г. были вызваны не противоречием объективных интересов и дефицитом внутренней солидарности народов, проживающих на единой евразийской территории, а внутренними субъективно-политическими и внешними причинами. На протяжении последних столетий народы на этой территории образовали некую наднациональную общность — советский народ, основная часть которой стремилась к политической и социальной консолидации. Ныне в СНГ медленно и зигзагообразно начинаются процессы реинтеграции.

В-седьмых, Россия в III тысячелетии призвана объективно выполнять роль цельного естественного географического и социокультурного моста — материка на путях, связывающих интенсивно интегрирующуюся

Европу и бурно развивающиеся страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно на громадных евроазиатских пространствах с их уникальными природными, людскими и духовными ресурсами создаются исключительные возможности эффективно использовать накопленный интеллектуальный и технологический потенциал Европы, Америки и Азии.

Перечисленные факторы свидетельствуют о том, что на постсоветском пространстве имеются весомые материальные и духовные предпосылки для прорыва в будущее в рамках стратегии устойчивого развития. Если этот шаг не будет сделан, то последствия могут оказаться настолько трагичными, что приведут к исчезновению не только государств, но и целых народов.

По мере того, как в монографии разворачивается панорама социально-политической реальности, автор высвечивает отдельные наиболее актуальные аспекты сегодняшней жизни страны. Невозможно в рамках этой рецензии остановиться на всех сторонах социально-политической реальности, которые исследовал В.К. Левашов и его коллеги. Это теоретические и эмпирические аспекты социально-политических противоречий, прав человека, толерантности и религиозной ситуации в обществе, функционирования СМИ, идеи патриотизма и явления глобализации. Особое внимание уделяется проблемам становления отношений гражданского общества и правового государства, перспективам их устойчивого развития, проблемам измерения потенциала гражданского общества. В заключении рассматриваются возможные стратегии и модели общественного и государственного развития, факторы интеграции и консолидации общества и государства, процессы становления культуры модернизации.

В целом монография, на наш взгляд, является удачной попыткой соединения системного теоретического подхода и многолетних эмпирических исследований. Долгое время политические практики в нашей стране строились с помощью заимствования зарубежных моделей и образцов. Рецензируемая работа убедительно показывает, что такой метод работает только в том случае, если совпадают фундаментальные социокультурные признаки донора и реципиента. Социум, как и любая биологическая система, имеет свои коды совместимости. Ключ к пониманию этих кодов дает фундаментальная наука в единстве социальных и гуманитарных наук. В конкретном случае к успеху привел союз философского, социологического и политологического знания. Союз этого научного знания с практикой — следующее условие движения нашей страны в устойчивое будущее.